

Проект SWorld

Кашеев В.И., Назрибелная И.А., Валуева И. В., Коптяева М.А. и др.

*Кашеев В.І., Назрибелна І.А., Валуєва І. В., Коптяєва М.А. та ін.
Kascheev V.I., Nazribelnaya I.A., Valueva I.V., Koptyaeva M.A. and etc.*

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ ЛИЧНОСТИ

**ІННОВАЦІЙНІ ПІДХОДИ ДО РОЗВИТКУ ОСОБИСТОСТІ
INNOVATIVE APPROACHES TO DEVELOPMENT OF PERSONALITY**

ВХОДИТ В

Международные наукометрические базы

входить до Міжнародні наукометричних баз

enters into International scientometric databases

МОНОГРАФІЯ

МОНОГРАФІЯ

MONOGRAPH

Одесса

Одеса / Odessa

Куприенко СВ

Купрієнко СВ / Kuprienko SV

2019

УДК 33
ББК 65
И 57

Авторский коллектив

Колектив авторів/ Author team:

Багрий М.А. (1), Нагрибельная И.А. (2), Сидоренко Н.И. (2),
Мироненко О.В. (2), Сугейко Л.Г. (2), Мельничук Ю.Ю. (2),
Перепёлка В.И. (2), Покорная Л.Н. (3), Валуева И.В. (3),
Коптяева М.А. (4), Каргина Н.В. (5), Кащеев В.И. (6),
Котов Ж.В. (7), Яроченко Я.В. (8), Ярмолюк Е.В. (8), Поплавская Т.Н. (9)

Рецензенты

Рецензенти / Reviewers:

Демидовская Анастасия Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (4)

И 57 **Инновационные** подходы к развитию личности. Часть 2: Серия монографий / [авт.кол. : В.И. Кащеев, И.А. Нагрибельная, И.В. Валуева, М.А. Коптяева и др.]. – Одесса: КУПРИЕНКО СВ, 2019 – 175 с. : ил., табл. – (Серия «Инновационные подходы к развитию личности», Часть 2)

Інноваційні підходи до розвитку особистості. Частина 2: Серія монографій / [авт.кол. : В.І. Кащеев, І.А. Нагрибельна, І.В. Валуєва, М.А. Коптяєва и др.]. - Одеса: КУПРІЄНКО СВ, 2019 - 175 с. : Іл., Табл. - (Серія «Інноваційні підходи до розвитку особистості», Частина 2)

ISBN 978-617-7414-69-7

Монография содержит научные исследования авторов в области образования, философии, искусства. Может быть полезна для руководителей и других работников предприятий и организаций, а также преподавателей, соискателей, аспирантов, магистрантов и студентов высших учебных заведений.

Монографія містить наукові дослідження авторів в галузі освіти, філософії, мистецтва. Може бути корисна для керівників та інших працівників підприємств і організацій, а також викладачів, здобувачів, аспірантів, магістрантів і студентів вищих навчальних закладів.

The monograph contains scientific studies of authors in the field of education, philosophy, and art. It may be useful for managers and other employees of enterprises and organizations, as well as teachers, applicants, graduate students, undergraduates and students of higher educational institutions.

**УДК 33
ББК 65**

© Коллектив авторов, 2019
© Куприенко С.В., оформление, 2019

ISBN 978-617-7414-69-7

Монографія підготовлена авторським колективом:

Монографія підготовлена авторським колективом / The monograph was prepared by the authors:

1. *Багрій Марія Антонівна*, Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, кандидат філологічних наук, старший преподаватель - *Глава 1*
2. *Нагрибельная Інна Анатольевна*, Херсонський державний університет, доктор педагогічних наук, професор - *Глава 2 (в соавторстве)*
3. *Сидоренко Наталя Івановна*, Херсонський державний університет, кандидат філологічних наук, доцент - *Глава 2 (в соавторстве)*
4. *Мироненко Оксана Васильевна*, Херсонський державний університет, кандидат філологічних наук, доцент - *Глава 2 (в соавторстве)*
5. *Сугейко Любовь Григорьевна*, Херсонський державний університет, кандидат педагогічних наук, доцент - *Глава 2 (в соавторстве)*
6. *Мельничук Юлія Юрьевна*, Херсонський державний університет, кандидат педагогічних наук, доцент - *Глава 2 (в соавторстве)*
7. *Перепёлка Вера Івановна*, Херсонський державний університет - *Глава 2 (в соавторстве)*
8. *Покорная Людмила Николаевна*, Херсонський державний університет, кандидат філологічних наук, доцент - *Глава 3 (в соавторстве)*
9. *Валуева Ія Викторовна*, Херсонський державний університет, кандидат філологічних наук, доцент - *Глава 3 (в соавторстве)*
10. *Коптяева Марія Александровна*, Северный (Арктический) федеральный университет, кандидат педагогічних наук, доцент - *Глава 4*
11. *Каргина Наталья Викторовна*, кандидат психологічних наук, Одесская академия непрерывного образования Одесского областного совета (КЗВО Одеська академія неперервної освіти Одеської обласної ради) - *Глава 5*
12. *Кащеев Владимир Иванович*, Саратовський державний університет імені Н.Г. Чернышевского, доктор історических наук, професор - *Глава 6*
13. *Котов Жан Викторович* - *Глава 7*
14. *Яроченко Янина Владимировна*, Национальный педагогический университет імені М.П. Драгоманова - *Глава 8 (в соавторстве)*
15. *Ярмолюк Елена Владимировна*, Национальный университет физического воспитания и спорта Укаины, кандидат наук физического воспитания и спорта, доцент - *Глава 8 (в соавторстве)*
16. *Поплавская Татьяна Николаевна*, кандидат философских наук, доцент - *Глава 9*

Содержание

Зміст / Content

ГЛАВА 1. ПРОБУЖДЕНИЕ САМОСОЗНАНИЯ УКРАИНСКОГО НАРОДА, ВОСПИТАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО СОЗНАТЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ КАК СКВОЗНЫЕ МОТИВЫ ЛИТЕРАТУРЫ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ КОНЦА XVIII-30-х ГОДОВ XXст	7
ГЛАВА 2. ЛИНГВОДИДАКТИЧНАЯ ПОДГОТОВКА СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	
Введение	15
2.1. Формирование языковой личности будущего учителя начальных классов путем реализации норм литературного языка	15
2.2. Профессиональная подготовка будущего учителя начальной школы при изучении лингводидактичных дисциплин	18
2.3. Подготовка будущих учителей начальных классов к организации читательской деятельности учащихся	27
Выводы	34
ГЛАВА 3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО МЕТОДА ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ХЕРСОНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СПЕЦИАЛЬНОСТИ "НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ"	
Введение	36
3.1. Проверка эффективности коммуникативно-деятельностного подхода к обучению по формированию коммуникативной компетентности в ходе педагогического эксперимента на базе педагогического факультета	36
3.2. Анализ результатов работы с целью профессионализации занятия...	42
Выводы	45
ГЛАВА 4. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ НОРВЕГИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ	
Введение	47
4.1. Идея о ценности знаний и ценности труда	48
4.2. Идея о ценности нравственных качеств личности	49
4.3. Идея о ценности семьи и ценности женщины	50
Выводы	52
ГЛАВА 5. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	
Введение	54

5.1. Исторические ракурсы психологического благополучия личности...	54
5.2. Особенности психологического благополучия личности	55
Выводы	59

ГЛАВА 6. НАУЧНЫЙ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР КАК ФОРМА СТАНОВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ: ПРОШЛОЕ. НАСТОЯЩЕЕ. ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение	60
6.1. Терминология: seminarium – Seminar/seminar – семинарий – семинар	60
6.2. Берлинский университет и «идея университета»	61
6.3. Академические контакты России с Германией.....	63
6.4. Семинары петербургских филологов.....	64
6.5. Научные семинары в Москве.....	67
6.6. Казанский университет. «Античный понедельник»	70
6.7. Саратовский университет. “Collegium classicum”	71
6.8. Трансформация университета и его назначение.....	74
6.9. Семинар и творческая личность в науке	76
Выводы	77

ГЛАВА 7. ВОЗМОЖНОСТЬ ФИЛОСОФИИ СОУЧАСТИЯ

7.1. Актуальность темы	79
7.2. Понятие философии соучастия.....	82
7.3. Теоретическая проблематика философии соучастия	85
7.4. Практический аспект философии соучастия.....	90

ГЛАВА 8. ЛИЧНОСТНЫЙ SWOT-АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ НА УРОВНЕ СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ИНДИВИДА В ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Введение	95
8.1. Историография SWOT-анализа	97
8.2. Личностный SWOT-анализ как инновационный smart-инструмент	100
8.2.1. Понятия и категории личностного SWOT-анализа	100
8.2.2. Дефиниции индивид-личность-индивидуальность в личностном SWOT-анализе	102
8.2.3. Теоретический анализ блоков личностного SWOT-анализа.....	106
8.2.4. Аналитика и ранжирование параметров S,W,O, T.....	110
8.2.5. Разработка личностных SWOT-стратегий	112
8.3. Самоактуализация личности в XXI века	119
8.3.1. Потребности человека в философско-антропологическом контексте	119
8.3.2. Социально-духовные потребности личности	124
8.3.3. Потребность современного человека в самоактуализации	131
Выводы	135

ГЛАВА 9. КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ КРИЗИСА НОВОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Введение	138
9.1. Философские основания научной ментальности и научной методологии.....	140
Выводы	152
ЛИТЕРАТУРА	154

ГЛАВА 9.

КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ КРИЗИСА НОВОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПАРАДИГМЫ

DOI: 10.30888/2663-9874.2019-01-021

Введение.

Весь прошлый век человечество прожило под знаком «кризиса». Сначала философы обратили внимание на кризис культуры, с него собственно и начался кризисный марафон: две мировые войны и тоталитарные режимы у нас и в Европе обнаружили кризис идей прогресса, гуманизма и собственно рациональности; стремительное развитие техники и технологий совместно с ростом промышленного производства стали причиной глобальных экономических катаклизмов и глобальных экологических проблем, а превращение техники из орудий человеческого разума в угрозу существования человечества породил антропологический кризис.

И если на рубеже XIX и XX веков европейский человек еще смутно представлял себе масштабы предстоящей эпохи перемен, то уже на рубеже XX и XXI века передовая общественность требует от правительств своих стран принятия кардинальных мер по защите экологии, решению демографических и экономических проблем, реформы системы образования и медицины. Многие из перечисленных проблем решаются и довольно успешно, но в отдельно взятых странах Европы и Америки, в то время как большинство населения планеты находится в безвыходном положении из-за роста населения, нищеты, безграмотности, безработицы и прочих социальных, экономических и культурных факторов.

Какие же возможности выхода из этой цивилизационной ситуации предлагают нам ученые и философы? Вариантов не так уж и много. Европейские философы XX века видели выход из нарастающего кризиса в возрождении идей ренессансного гуманизма и эпохи Просвещения, в возрождении христианских ценностей и принципов мироустройства.

К концу столетия к решению глобальных проблем подключились и представители советской философии, соответственно их видение решения глобальных проблем отличается от европейских вариантов в силу доминирования определенных установок в содержании ментальности. Наши философы и социологи предлагают реанимацию идей марксизма и социализма, но на более современной научно-философской платформе, вспомнили так же и о концепциях космизма К.Э.Циолковского и А.Л. Чижевского, а также и о ноосферной концепции Вернадского, имеющей высокий потенциал для философско-методологического синтеза природного и культурного, космического и человеческого. Появилась даже надежда на то, что идеи единого, живого Космоса перестанут быть некими бесплотными метафорами и найдут пути конкретной реализации в научном исследовании, создадут реальные возможности решения проблем, с которыми связано само дальнейшее существование человечества, его выживание и развитие.

Самые смелые предлагают поменять научно-философскую парадигму с

Ньютоно-Картезианской, механицистской, на холистическую и органическую, своими корнями уходящую в далекую Древность, но в результате открытий в физике XX века, ставшую очень близкой и понятной многим интеллектуалам Современности. Вот и резиденты знаменитого Римского клуба, в одном из своих последних докладов, посвященных анализу цивилизационной ситуации и предполагаемым путям выхода из неё, предлагают отказаться от материализма и редукционизма, в пользу холизма и духовности, призывают к альтернативной экономике, «новому Просвещению», планетарной цивилизации, развитие которой может быть возможным при условии изменения «философских корней текущего состояния мира» [17].

Следует отметить, что философскими корнями текущего состояния мира являются материализм, механицизм и атеизм, постепенно сформировавшиеся в европейском сознании в течение последних трех сот лет. Как следствие действия этих «корней» мы имеем полную автономию науки, которая стоит вне культуры на том лишь основании, что её реальность не связана ни с культурными, ни с историческими традициями, мы также имеем тип ученого как морально нейтрального субъекта, этакая узкоспециализированная серая рабочая лошадка, для которой приоритетом является не поиск истины, тем более не реальные достижения знания, а наукообразие ради получения грантов.

Меня давно мучает вопрос: Как смогла за такое, в принципе, короткое время, в отдельно взятом регионе (Европе), забыться древняя, глубокая и гармоничная парадигма Мироздания в угоду поверхностной, парадоксальной, механической картины мира? Какое помутнение рассудка должно было произойти, чтобы люди стали верить в случайное происхождение жизни, сознания, культуры? В безнаказанность аморальных действий против Природы и всех её обитателей?

Как же надо было поработать над содержанием образования, чтобы мы и наши дети до сих пор думали, что наши предки произошли от обезьян путем естественного отбора и в результате трудовой деятельности? А ведь если человеку с детства говорить, что он, прежде всего животное, ну или, как пишут наши учебники по философии, существо биосоциальное, то рано или поздно он начнет вести себя как существо без сущности, в смысле души, которую просто отменили за отсутствием доказательств её существования.

К слову сказать, человек духовный и душевный отличается от биосоциального существа способностью, во-первых, к творческой деятельности, во-вторых к состраданию и сопереживанию. Потенциально эти способности присутствуют в каждом психически нормальном ребенке, но существующая система образования и воспитания, за редким исключением, угнетает эту способность и на выходе мы имеем массу одномерных существ, умеющих пользоваться гаджетами и планшетами, но не умеющими думать, общаться, сочувствовать, сострадать, творить, мечтать, в конце концов.

Как пишет один из авторов монографии «Человек исчезающий» Т.А. Хагуров: «Общество получило человека развращенного и не способного даже к созданию семьи. Человека потерявшего различения красоты и уродства. Человека смакующего насилие и жестокость. Человека находящего

удовольствие в кощунстве над традиционными ценностями. Это – человек-потребитель. И это антропологическая катастрофа!» [21,с.51].

Поэтому так необходима кардинальная переоценка основных постулатов существующей парадигмы для развития и формирования новой, лишенной недостатков и парадоксов предыдущей. С этой целью мною была проделана, далеко не исчерпывающая себя, исследовательская работа, в ходе которой было обнаружено очень много нестыковок, противоречий, даже мифов, существующих в доминирующей парадигме, о чем и пойдет речь ниже.

Мною также было обнаружено довольно-таки большое число современных ученых, мыслящих в том же направлении, что не могло не порадовать, а их работы стали моими маяками и ориентирами в огромном море информации.

В связи с тем, что парадигму формируют определенные люди, носители определенного типа ментальности, иногда называемой просто рациональностью, интересно было бы проследить процесс формирования этой ментальности, которая в наше время и в нашей культуре является доминирующей в связи с всеобщей интернетизацией и компьютеризацией. Проникновение новых компьютерно-информационных технологий во все сферы жизни общества усиливает процесс рационализации всех сфер бытия человека, что и продолжает усиливать дисбаланс в соотношении рационального и чувственного, рационального и духовного в современной культуре. Все эти проблемы становятся предметом философско-методологического анализа многих исследователей, причем исследуется не только специфика рациональности в ее связи с наукой, но и влияние социокультурного контекста на понимание места и роли научной рациональности в обществе. Анализ этих исследований показывает расширение проблемного и предметного поля, возрастание внимания к альтернативным компонентам познавательного процесса.

Как отмечает Виктория Гайденко: «Современная социокультурная действительность, как гетерогенная, изменчивая, многовариантная, плюральная, вызывает к жизни новые, нетрадиционные, альтернативные, подчас провокационные подходы, которые позволяют отойти от однозначного определения реальности и человека и отказаться от понятий линейности и редукционизма в пользу гармонии, целостности, разнообразия» [7,с.9].

9.1. Философские основания научной ментальности и научной методологии.

История развития науки начиналась, как известно, на философской методологической базе и именно философские понятия, категории и представления входили в научные теории непосредственным образом как её фундаментальные методологические принципы, определяющие процесс познания. Однако последующее развитие науки привело к развитию учения о методах познания как отдельной дисциплины.

В «Философской энциклопедии» методология определяется как философское учение о методах познания и преобразования действительности, о

применении принципов мировоззрения к процессу познания, к духовному творчеству вообще и к практике. При этом имеются в виду не только общеполитические, но и конкретно научные методы.

Ведущим принципом существующей материалистической парадигмы является меризм, широко применяемый в современном естествознании, а также в гуманитаристике. Меризм обобщает собой стремление измерить все вещи, процессы и явления, с целью их более глубокого познания. Это метод проб и ошибок и как писал в одной из своих статей Карл Поппер, с помощью этого метода ученые пытаются решить все свои проблемы[23].

Более трехсот лет этот принцип способствовал развитию современной науки и техники, но в последние десятилетия все больше ученых стали говорить о его кризисе, о его ограниченных возможностях, которые стали тормозом в дальнейшем развитии научной мысли, особенно проявившем себя в гуманитарных науках.

Задачей данного параграфа является анализ философских оснований научной ментальности и процесса формирования её основных мировоззренческих установок и паттернов.

Практически все историки науки и философии считают, что философскими основаниями Ньютоно-Картезианской парадигмы является античная пранаука в лице Аристотеля и Демокрита и только единицы знают, что наука в Древней Греции формировалась в школе Пифагора, потому что именно здесь были обнаружены и стали культивироваться новые предметные области: сфера чисел, сфера геометрических фигур и сфера музыкальных интервалов и как отмечает Ю.А Шичалин, именно это сочетание и оказалось определяющим для всей последующей античной науки и философии⁷.

Тем не менее именно Аристотеля чаще называют отцом современных наук, таких как психология, география, биология, этика, эстетика и другие. Очевидно, на эту мысль их навели его высказывания о том, что «наука и искусство возникают у людей через опыт»[26]. Отсюда следует его основополагающий принцип: «Так как знание, и [в том числе] научное познание, возникает при всех исследованиях, которые простираются на начала, причины и элементы, путём их уяснения (ведь мы тогда уверены, что знаем ту или иную вещь, когда уясняем её первые причины, первые начала и разлагаем её вплоть до элементов), то ясно, что и в науке о природе надо попытаться определить прежде всего то, что относится к началам.

Естественный путь к этому ведёт от более понятного и явного для нас к более явному и понятному по природе» [3,с.61].

Как видим, Стагирит указывает нам на начала в природе, которые и следует искать, но его рекомендации демонстрируют нам применение и другого основополагающего принципа античной науки – принципа холизма: «...Надо идти от вещей воспринимаемых в общем, к их составным частям: ведь целое скорее уясняется чувством, а общее есть нечто целое, так как общее охватывает многое наподобие частей» [3,с.61].

Метод мышления, следствием которого является логический вывод, в котором частное заключение выводится из общего, называется дедукция. Началом (посылками) дедукции являются аксиомы или просто гипотезы, имеющие характер общих утверждений («общее»), а концом — следствия из посылок, теоремы («частное»). Если посылки дедукции истинны, то истинны и её следствия. Дедукция — основное средство логического доказательства.

Здесь синтез предшествует анализу, а значит индукция, как противоположный метод мышления является дополнительным средством в познании природы. Сам философ определяет индукцию как восхождение от частного к общему. Он рассматривал её как способ умозаключения, противоположный силлогизму, дедуктивному умозаключению, которое, по мнению Аристотеля, указывает посредством среднего понятия на принадлежность высшего понятия третьему, а индукция третьим понятием показывает принадлежность высшего среднему[2].

Таким образом, цель науки Аристотель видел в полном определении предмета, достигаемом только путём соединения дедукции и индукции, анализа и синтеза, тем самым устанавливая принцип единства знания.

В учении о познании и его видах Аристотель различал «диалектическое» и «аподиктическое» познание. Область первого — «мнение», получаемое из опыта, второго — достоверное знание. Хотя мнение и может получить весьма высокую степень вероятности по своему содержанию, опыт не является, по Аристотелю, последней инстанцией достоверности знания, ибо высшие принципы знания созерцаются умом непосредственно.

В последующие века родоначальниками науки из целостной методологии Аристотеля были заимствованы метод индукции, где анализ предшествует синтезу и законы формальной логики:

- закон тождества — понятие должно употребляться в одном и том же значении в ходе рассуждений;
- закон противоречия — «не противоречь сам себе»;
- закон исключённого третьего — «А или не-А истинно, третьего не дано».

Первые два закона вполне приемлемы и реально способствуют развитию мыслительной деятельности в направлении осознания полученной информации. Что же касается третьего закона, то он то как раз и сыграл злую шутку с нашим мышлением. Мы ведь до сих пор, даже не догадываясь о наличии каких-то законов логики постоянно твердим по разному поводу, что третьего не дано, или-или, или зло или добро, или правый или не правый, или белое или черное. А ведь мир, в котором мы живем гораздо сложнее и богаче своими вариантами и оттенками!

Как показали гендерные исследования формальная логика — это исключительно мужская, левополушарная логика, созданная мужчиной и для мужчин. Логика, которая очень упрощает любой предмет познания, рассматривая его однозначно и линейно способствует развитию спора, а не диалога, агрессивности, вместо толерантности, формирует аналитическое, одномерное мышление вместо многомерного, холистического, фрагментарное знание вместо целостной и гармоничной картины мира. Естественным образом

напрашивается вопрос: Существует ли другая, многомерная, женская, многозначная логика? Конечно же, да и я об этом обязательно расскажу в следующих параграфах.

Аристотель действительно первым оформил научную методологию и разработал к ней логические законы, но он был, во-первых, человеком своей культуры и своего времени, а во-вторых, он был учеником Платона, который считал, что «Беспредельное множество отдельных вещей и (свойств), содержащихся в них, неизбежно делает также беспредельной и бессмысленной твою мысль»[22,с.19], идеалом же наблюдения являлась способность увидеть предмет теоретического описания так, чтобы за внешним хаосом явлений обнаружить некоторую законосообразную форму: круговорот, гармонию, равновесие, статику и т.д.. Как утверждал Аристотель, предмет в понятийной форме должен быть необходимо-всеобщим, напротив, эмпирическое его проявление лишается эпистемического статуса [1,с.68], поэтому его методология носила холистичный характер и картина мира, формируемая принципами этой методологии, имела достаточно объемный, целостный вид.

Выборочное же восприятие аристотелевской методологии свидетельствует нам не о характере самой методологии, а о наличии определенных установок и паттернов в ментальности авторов многочисленных учебников по истории науки и философии.

В качестве недостатка античной науки наши историки обычно указывают на отсутствие в ней эксперимента, на рецептурно-технологический характер знания, которое у древних было вплетено непосредственно в практическую деятельность и за границами которой не воспринималось как когнитивно значимое. Другими словами, знание о конкретных предметах представляло собой рецепты для внедрения в жизненную практику и передавалось в форме сакральной традиции обычно от отца к сыну или от учителя к ученику. И здесь мы можем наблюдать предвзятое отношение и поверхностное знание о культуре древних цивилизаций. Экспериментально-практический метод познания объектов, вырванных из единой цепи космоцентричной взаимосвязи, действительно считался неприемлемым предметом изучения, даже математика у древних греков носила стереометричный характер. Начиная с пифагорейцев, греки, по выражению А.Ф.Лосева, «мыслили свои числа скульптурно, фигурно» [15,с.269], а единица являлась не просто числом, а монадой, некой идеальной трансцендентальной формой, определяющей вещи и строящей другие целые числа. В том же культурном контексте любое математическое положение могло в идеале получить геометрическую версию, позволяющую наглядно представить в «искусственном» изображении «естественное» выражение идеальной сущности любого числа.

В качестве следующего недостатка также рассматриваются сакральность и кастовость знания, которые основывались на традиции деления знания на эзотерическое и экзотерическое, тайное и явное. На фоне такой критики явно принижались достижения древних ученых во всех областях как науки, так и техники: математика Пифагора и оформившаяся на её основе геометрия Евклида, планиметрия Гиппарха и механика Архимеда, история Геродота,

медицина Гиппократ и география Страбона.

Кастовость знания была продиктована самими условиями получения этого самого знания, требующими от стремящегося определенных интеллектуальных и психических, а иногда и физических усилий, даже жертвы, за что и ценилось, а передавалось только достойным его ученикам или таким же достойным наследникам, поэтому многие технологии Древности не дожили до наших дней и канули в Лету вместе со своими Мастерами, как например секрет изготовления скрипок Страдивари или Гварнери.

Что же касается сокральности, то и здесь существовала древняя традиция получения знания при помощи своеобразной методологии, называемой в разных культурах по-разному, но смысл этих названий сводится к трансцендентному или трансфизическому познанию. Один из Отцов раннехристианской церкви, исихаст Григорий Палама всегда настаивал на существовании высшего пути познания, иного и высшего знания, которое он определяет как «умное чувство» или «незнание, которое выше знания» [8]. Как объясняет в своей статье Е.Н. Молодцова: «...такое постижение нуждается в тренинге, но не в обучении». И далее: «...различие двух типов знания сводится к двум направлениям движения познания – от частного к синтезу целого, причем такой синтез никогда не достигает целостности, или от непосредственного схватывания целостности к знанию любой части путем приобщения к единому источнику знания, соединиться с которым – значит достичь всеведения. При таком понимании знание есть вневременная и внепространственная данность, всегда наличествующая во всей своей полноте, оно не создаётся субъектом и не зависит от субъекта, свободно от ограниченности возможностями познавательного аппарата субъекта. Истинное знание существует объективно, но если субъект не способен к нему приобщиться, то он создает знание иллюзорное, не достигающее целостности» [18]. Более подробно эту тему есть смысл рассмотреть в главе, посвященной холистическим методам познания. Здесь же хотелось обратить внимание читателя на существование настоящей науки в древних цивилизационных центрах, которыми являлись Египет, Вавилон, Индия, Китай, Мезоамерика.

Взять хотя бы наличие в цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро (III-II тыс. до н.э.) позиционной десятичной системы счисления с применением нуля — той самой, которой пользуемся в настоящее время и мы. Самым знаменитым математиком Древней Индии был живший в гуптскую эпоху (IV—VI века) Арьябхата. Он систематизировал десятичную позиционную систему счисления, сформулировал правила извлечения квадратного и кубического корней, решения линейных, квадратных и неопределённых уравнений, задач на сложные проценты, наконец, создал простое и сложное тройное правило. Значение числа «пи» Арьябхата считал равным 3,1416.

Значительны достижения индийцев и в химии. Они были сведущи в рудах, металлах и сплавах, умели изготавливать прочные красители — растительные и минеральные, — стекло и искусственные драгоценные камни, ароматические эссенции и яды. В философских и научных трактатах учёные разрабатывали

идеи о том, что все вещества в природе состоят из «ану» — атомов. Высокого уровня развития достигла медицина, прежде всего медицинская школа, известная как «аюрведа» — буквально «наука о долголетию» (она пользуется популярностью и в наши дни). В трактатах знаменитых врачей Чараки (I—II века) и Сушруты (IV век) описано лечение с помощью растительных и минеральных лекарств, диеты и гигиенических процедур множества заболеваний, включая и те, которые на протяжении многих последующих столетий в Европе лечили лишь «изгнанием бесов».

Математика была известна и нашим предкам древним славянам, которые пользовались системой расчетов для определения длины, массы, объема, веса, площади в повседневной жизни для строительства домов и храмов. Так же удивительно точны славянские меры времени, в которых присутствуют такие измерения как «миг» и «сиг». Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к календарям древних славян и задуматься над источником точных вычислений дней зимнего и летнего солнцестояния, а также весеннего и осеннего равноденствия.

Обычно наши ученые объясняют появление данного феномена в результате использования метода наблюдения, но ведь никакое наблюдение за Солнцем и Луной не даст нам знание о том, что именно в дни летнего и зимнего солнцестояния день или ночь начинают уменьшаться на несколько минут, а в дни весеннего и осеннего равноденствия день и ночь равны по своей продолжительности ровно 12 часам! Очевидно существовали какие-то приборы, помогающие жрецам, а именно они и занимались этими исчислениями, правильно устанавливая эти дни, в которые, как правило, проходили самые значимые праздники – Новый год 22 марта, рождение Солнца 25 декабря, праздник Купалы 22 июня и праздник урожая 22 сентября. Я уже не говорю о всем известном календаре индейцев майя, в котором указаны все солнечные и лунные затмения вплоть до 2012 года.

Нашим многочисленным историкам, культурологам и религиоведам мешает понять и принять эту истину миф о происхождении человека, его культуры и общества, внедренный в массовое сознание трудами марксистов и позитивистов всех толков. О нем речь пойдет ниже, здесь же мне бы хотелось обратить внимание читателя на тот факт, что вопреки утверждениям историков от науки, научное знание существовало в Древности и было хорошо развито, о чем свидетельствуют египетские пирамиды и статуя Сфинкса, обсерватории в Мераге, Самарканде и Стоундхендже, так называемые циклопические сооружения Древности, обнаруживаемые на всех современных континентах.

Не менее красноречиво о том же свидетельствуют и многочисленные археологические находки, о которых очень подробно изложено в известной книге Майкла Кремо и Ричарда Томпсона «Неизвестная история человечества»[13].

В древних культурах люди могли не только покорять Природу, но и использовать её силы. Тысячи лет назад люди уже использовали энергию Солнца, термальную энергию и энергию воды для работы огромных механизмов, даже электричество!

Благодаря уникальному труду римского архитектора Марка Витрувия Полиона, собравшего древние тексты греческих инженеров, мы имеем возможность познакомиться с их изобретениями и оценить уровень развития механики в Античности, который так удивлял и вдохновлял мыслителей Возрождения. Список этих находок можно продолжить, материала на современном этапе исследовательской работы накоплено не на одну книгу, но мы продолжаем учить своих детей по книгам, написанным в середине прошлого столетия!

Таким образом, наука в Античных культурах была очень хорошо развита, но в отличие от современной, носила целостный или холистичный характер, что способствовало её экологичности и гуманистичности, которые выражались в единстве рационального и духовного, истины и добродетели.

При этом, как отметил Ф. Ницше, в Античности «на первом месте стояло стремление к добродетели, и высочайшей похвалой познанию считалось чувствование его как лучшего средства к стяжанию добродетели» [19,с.592]. И то, что произошло позже, а именно то, что познание стало самодостаточным и приоритетным и его стали использовать в корыстных целях, было новым: «это что-то новое в истории, когда познание хочет быть больше, чем средством» [19,с.592].

Падение Античной цивилизации и культуры, а также постепенное распространение христианской идеологии способствовали изменению картины мира, в которой Бог, как Творец Всего выносился за пределы этого Всего. Человек, как вершина Его творения также выносился за рамки Природы и ставился как бы над нею. В результате Мир разделился на «дольний» и «горний», человеческий и божественный, материальный и духовный, мужской и женский, с приоритетом первого над вторым.

Как следствие этого фундаментального мировоззренческого переворота, с Природой или природным веществом стало допустимым проведение эмпирических испытаний, что в античном миропонимании было абсурдным и недопустимым, потому что расценивалось как попытка перехитрить Природу, как ложный путь познания гармонии Космоса.

Как ни парадоксально это может звучать, но появление научной методологии Галилея и Ньютона во многом обязано средневековому мировоззрению. Геоцентрическая идея творения мира, имманентно включающая в себя принцип отношения причины и следствия, отделение человека от космоцентрической Природы, духа от тела, принцип тварности Природы, разрушили сакральное к ней отношение и способствовали в конечном итоге её испытанию экспериментом Нового времени [4].

В ходе длительной эволюции научная ментальность долго ещё развивалась в рамках христианских религиозных догм и традиций, однако внутри них формировалась новая мировоззренческая позиция, ставшая центром духовных устремлений Реформации и культуры Возрождения.

В качестве смысловой предпосылки имплицитно готовила почву для новоевропейской науки протестантская этика, санкционируя рациональную познавательную активность человека в его отношении к миру.

Плюрализм политической жизни, разногласия нравов и обычаев Нового света, технологизм мануфактурного производства, протестантское оправдание труда, богатства и личной ответственности, легализировали интерес к экспериментальному знанию образованной части общества. Это способствовало утверждению принципа онтологического статуса природы, управляемой, по словам Ф.Бэкона, естественными законами [5, с.55-67].

Как известно, одну из главных своих задач Бэкон видел в создании философии экспериментального естествознания, в выяснении условий, обеспечивающих правильные выводы из научных наблюдений, что в свою очередь предполагало разработку определенных методов познания.

Как же предлагает философ поиск истины? В своём трактате «Новый Органон» он пишет: «Два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины. Один воспаряет от ощущений и частных к наиболее общим аксиомам и, идя от этих оснований и их непоколебимой истинности, обсуждает и открывает средние аксиомы. Этим путем и пользуются ныне. Другой же путь выводит аксиомы из ощущений и частных, поднимаясь непрерывно и постепенно, пока наконец не приходит к наиболее общим аксиомам. Это путь истинный, но не испытанный» [6, с.44].

Как видно из приведенной цитаты, философ формулирует принцип индукции и разрабатывает основы индуктивной логики. Более того, он уверен, что именно эксперимент и индукция являются необходимым и достаточным условием для получения абсолютно достоверного знания, противопоставляя её гипотетико-дедуктивному методу, которому отдавал предпочтение французский философ и математик Рене Декарт. Однако, отдавая эксперименту функцию источника нового знания, подчеркивая, прежде всего именно эту его сторону и критикуя обратный ход познания – от теории к эксперименту, Бэкон абсолютизировал метод научной индукции, тем самым заложив основы развившегося в дальнейшем механицизма как метода познания: «...Мы строим в человеческом разуме образец мира таким, каков он оказывается, а не таким, как подскажет каждому его рассудок. Но это невозможно осуществить иначе как рассеканием мира и прилежнейшим его анатомированием. А те нелепые и как бы обезьяньи изображения мира, которые созданы в философиях вымыслом людей, мы предлагаем совсем рассеять... Итак, истина и полезность суть (в этом случае) совершенно одни и те же вещи. Сама же практика должна цениться больше как залог истины, а не из-за жизненных благ» [6, с.77].

Его оппонент Рене Декарт в основе своей методологии поместил математику, которая, по его мнению, являлась эквивалентом «всеобщей мудрости», а аналитический подход к познанию стал у него ведущим. В отличие от Бэкона, Декарт считал исходным пунктом познания не опыт или эксперимент, а интуицию, следующим же шагом – дедукцию, которая может объяснить, как следует отталкиваться от интуитивно полученного знания и подниматься к пониманию сложных вещей и их сущностей.

На первый взгляд, созданные этими мыслителями методологические системы могут показаться диаметрально противоположными, однако для получения именно целостного знания они должны дополнять друг друга. Тем

не менее, в результате развития науки были детерминированы механистический и метафизический характер этих систем, которые воспринимались как альтернативные, что, в свою очередь, наложило определенный отпечаток на всю последующую методологию научного познания.

Родоначальники современной научной методологии активно обсуждали и такие методы познания как анализ и синтез. Причем если, к примеру, немецкий философ Готфрид Лейбниц считал синтез более существенным методом, предшествующим анализу, то французский философ Этьен де Кандильяк пальму первенства отдавал анализу, а не синтезу.

«...Анализ редко бывает чистым,- пишет Лейбниц, - ведь большей частью в поисках средств мы нападаем на нечто искусственное, уже когда-то найденное кем-то другим или нами самими, случайно или же сознательно, - то, что мы выхватываем или из нашей памяти или из сообщений других, словно из таблицы или свода, и прилагаем к делу, а это относится уже к синтезу»[14,с.122].

Ему возражает Кандильяк: «Анализ и синтез – два противоположных метода и... если один хорош, то другой плох»[12,с.252]. Хорошим методом Кандильяк считает анализ, плохим – синтез. Согласно мнению этого философа, люди в своей познавательной деятельности всегда следовали методу анализа, так как познание начинается с простых частных идей, которые мы получаем через ощущение и размышление. «Это первоначальные материалы наших знаний, которые мы сочетаем сообразно обстоятельствам для составления из них сложных идей, отношения между которыми нам раскроет анализ»[12,с.289]. Синтез же, по мнению Кондильяка, представляет собой неясный метод, которым следует не начинать исследование, а кончать. Несмотря на то, что философ признавал необходимость применения обоих методов познания, исходным он все-таки считал анализ, так как только он основывается на объективной реальности, тогда как синтез предписывает вещам тот порядок, который мы сами выдумываем.

Окончательное оформление классическая научная методология получила усилиями Исаака Ньютона. Синтезировав научные знания на соответствующей методологической и философской основе, Ньютон однозначно и четко сформулировал идеал научного знания, к достижению которого наука с тех пор стала постоянно стремиться.

Изложенные философом и ученым в своей третьей книге «Математических начал» правила-принципы и являются тем методологическим фундаментом, на котором была построена вся система механики. Поэтому есть смысл рассмотреть их более подробно.

Итак, ньютоновские правила-принципы таковы: « Правило I. *Не должно принимать в природе иных причин, сверх тех., которые истинны и достаточны для объяснения явлений*». Здесь заложена идея причинности, представление о том, что все природные явления причинно обусловлены и, следовательно, подчиняются строгим закономерностям. Эта идея прошла через всю историю философского и научного познания и, несмотря на внесенные изменения в понятие причинности квантовой механикой, она продолжает

наполняться всё более конкретным содержанием, тем самым приобретая методологическую значимость.

«Правило II. Поэтому, поскольку возможно, должно приписывать те же причины того же рода проявлениям природы. Так, например, дыханию людей и животных, падению камней в Европе и в Африке, свету кухонного очага и Солнца, отражению света на Земле и на планетах». Здесь мы видим продолжение первого правила с добавлением принципа Аналогии.

«Правило III. Такие свойства тел, которые не могут быть ни усилены, ни ослабляемы и которые оказываются присущими всем телам, над которыми возможно производить испытания, должны быть почитаемы за свойства всех тел вообще». В этом правиле заложено представление об аналогии и индукции, а также методологический принцип простоты. Ньютон утверждает, что природа проста и в ней нет места излишним причинам, поэтому в познании нет необходимости в увеличении числа сущностей, определяющих мир, а значит, следует считать, что одинаковые явления вызываются одинаковыми причинами. Далее, свойства, установленные для некоторых тел, нужно рассматривать как свойства вообще всех тел данного класса. Данное правило выражает идею единства, подобия природы и наших знаний о ней.

«Правило IV. В опытной физике предположения, выведенные из совершающихся явлений помощью наведения, несмотря на возможность противных им предположений, должны быть почитаемы за верные или в точности, или приближённо, пока не обнаружатся такие явления, которыми они ещё более уточняются или же окажутся подверженными исключениям. Так должно поступать, чтобы доводы наведения не уничтожались предположениями»[20,с.502-504]. Согласно с этим правилом, необходимо признавать индуктивные методы и выводы, сделанные в процессе наблюдения и эксперимента, пока не окажется необходимым их корректировать. И если картезианцы пытались объяснить природу, исходя из гипотез, то в ньютоновской методологии исходным пунктом познания выступает наблюдение и эксперимент.

К слову сказать, до сегодняшнего дня идеи объяснимости, наблюдаемости, простоты, причинности, относительности, аналогии, единства знания формулируются как методологические принципы, хотя их содержание претерпело известные изменения. Ньютон оформил методологическую систему, максимально подходящую для развития конкретно-научного знания, однако его последователи считали возможным применять эту методологию ко всем видам знания. В ходе эволюции механицизма были искажены, мало того, забыты его исходные принципы: из ньютоновской методологической системы было элиминировано её философское ядро, а роль наглядности – абсолютизирована.

Философское ядро было элиминировано и из методологических систем Ф.Бэкона и Р.Декарта, основанием же этого ядра являлись три идеи: идея Божественного разума, идея Божественных законов, управляющих Вселенной и идея двух видов знания – божественного и человеческого у Бэкона, абсолютного и относительного у Ньютона и теория двух истин – истины

«естественного света разума» и истины «света веры» у Декарта.

Однако уже у Де Руа, ближайшего ученика Декарта, принцип двойственности истины исчезает и возникает материалистическое и атеистическое мировоззрение, положительная научная база которого сознательно ограничивается механистическим естествознанием с примесью скепсиса ко всем остальным видам знания [25, с.270-272].

То же можно сказать и о методологии ньютонианского последователя Пьера-Симона Лапласа, который в рамках дискуссии ньютонианцев с картезианцами, продолжавшейся почти столетие, завершил разработку философской методологии механицизма, сформулировав методологические принципы и идеалы познания, но дух ньютоновской методологии был им утерян.

Оба ученых, Де Руа и Лаплас, были представителями своего времени – эпохи Просвещения, на характер ментальности которой огромное влияние оказали французские энциклопедисты, которые в свое время сыграли очень важную роль и в распространении научных знаний, и в борьбе с консервативной идеологией, царившей во всех проявлениях жизни традиционного феодального общества.

Авторы знаменитой «Энциклопедии» Дени Дидро, Жан д'Аламбер и их единомышленники (Ж. Бюффон, Вольтер, К. Гельвеций, П. Гольбах, Л. де Жокур, Э. Кондильяк, Г. Рейналь, Ж. Ж. Руссо, Анн Робер Жак Тюргои многие другие) впервые в истории Европейской культуры сделали целью своих интеллектуальных усилий демонстрацию всех основных достижений научного знания своего времени для широкого круга читателей. Их «Энциклопедия» действительно была написана не для специалистов, хотя знакомство с ней предполагало определенный уровень знания, а для всех читателей, интересующихся новой формирующейся культурой. По словам Дидро история возложила на них «особую роль, особую миссию: в исключительно важной в переживаемый момент борьбе за просвещение против невежества, за свободу мысли против нетерпимости и фанатизма, за право разума против предрассудков и догматизма» [10, с.634-635].

Во вступительной статье «Энциклопедии» её издатели также четко определили и строго эмпиричное направление, в котором, по их мнению, должна развиваться наука: «Физика должна ограничиваться исключительно наблюдениями и вычислениями; медицина — историей человеческого тела, историей его болезней и их лекарств; естественная история — подробным описанием животных и минералов; химия — опытным соединением и разложением тел; одним словом, все науки, по возможности заключенные в фактах и следствиях, которые можно из них выводить, соглашаются с мнением лишь тогда, когда они к этому вынуждаются» [24, с.115-116].

Такая эмпирико-индуктивная методологическая установка проходит через всю «Энциклопедию» и отражает не только специфику новой формирующейся на основе науки рациональной ментальности, но и глубокое влияние на её формирование эмпирически ориентированной философско-методологической программы Ф. Бэкона. Авторы ведущих статей неоднократно ссылаются на

идеи Ф. Бэкона, специально подчеркивая философско-методологическую продуктивность его идей о роли эксперимента, опыта в познании. В частности, в «Энциклопедии» специально отмечается, что «Канцлер Бэкон в Англии ... приоткрыл общие принципы, которые должны служить фундаментом в исследовании природы, он предложил познавать ее с помощью эксперимента, он предвидел множество изобретений, которые и были сделаны после него»[24,с. 625] . Отметив вклад не только Ф. Бэкона, но и Р. Декарта в становление новой экспериментальной философии, автор статьи, однако, пишет: «Декарт и даже Бэкон, несмотря на весь свой вклад в философию, возможно, оказали бы ей еще большие услуги, если бы они были физиками практики, а не физиками теории»[24,с. 626] .

Исходя из подобной философско-методологической установки авторы статьей «Энциклопедии» подвергали систематической критике традиции, идущие от Аристотеля, доказывая, что с помощью эксперимента можно познать природу глубже, чем с помощью общих рассуждений, не опирающихся на опыт. Вершиной экспериментальной философии при подобном подходе становился по праву И. Ньютон. Согласно с мнением энциклопедистов Ньютон «первый показал нам то, что его предшественники только предвидели: искусство вводить геометрию в физику и создавать, соединяя опыт с вычислениями, науку точную, глубокую, светоносную, новую. Столь же великий в своих опытах по оптике, как и в своей системе мира, он открыл все двери грандиозному и уверенному движению мысли»[24,с. 627] . С этого момента Ньютон и механика все больше становятся выражением науки вообще, науки как нового социокультурного феномена. Тем самым неявно начинается сужение поля философии и её традиционных проблем, связанных с познанием второй, духовной стороны реальности. Ведь как известно, в Природе не существует однозначных вещей и явлений, есть только однозначное их восприятие.

Построенная на основе конкретно-научных представлений, возведенных в методологический абсолют, методологическая система механицизма стала методологической основой всего научного знания, а идеалом реализации её возможностей стало создание единой теории всех явлений природы чисто аналитическими средствами. В научном же сообществе постепенно стал складываться стиль мышления, который требовал снова и снова, несмотря на бесплодность всех попыток, объяснять новые явления и факты на основе механицизма, чем тормозил реализацию принципиально новых попыток и подходов к объяснению мира.

«Западная наука, пишет Станислав Гроф, - поступила с Ньютоном и Декартом так же, как Маркс и Энгельс с Гегелем. Формулируя принципы диалектического и исторического материализма, они препарировали гегелевскую феноменологию мирового духа – оставили его диалектику, но заменили дух материей. Аналогичным образом, концептуальное мышление во многих дисциплинах предлагает прямую логическую вытяжку из ньютоно-картезианской модели, но образ божественного разума, который был сердцевинной рассуждений этих двух великих людей, из новой картины исчез.

Следующий за всем этим систематический и радикальный философский материализм стал новым идеологическим основанием современного научного мировоззрения»[9,с. 37].

Выводы.

Итак, десакрализация и секуляризация отношения новой науки к Природе как на уровне социальном (проект «демократического», экзотерического, всем доступного знания), так и на уровне ментальном (концепция природы и естественного механического закона, отвергающая действие сверхъестественного в мире естественного), легли в основу новой методологии познания и определили её основные принципы и мировоззренческие установки, среди которых можно обнаружить следующие:

убежденность в возможности получения объективного знания в результате противопоставления субъекта познания объекту;

убежденность в том, что факты эмпирического опыта «говорят» сами за себя, что является определяющим основанием «несомненного» и «очевидного» понимания реальности;

убежденность в фундаментализме теоретического обоснования, согласно с которым изучение неизменных, всеобщих, универсальных законов, например законов материалистической диалектики, ставится целью теоретического обоснования любого научного знания;

убежденность в том, что единственным способом познания объекта является разложение, расчленение его на составляющие части, аналитическая схема объяснения на основе формализации (механицизм);

стремление к упрощению сложного объекта познания, сведение сложного системного или органического объекта к его составным частям или элементам, стремление объяснить природу сложных явлений при помощи законов, свойственных явлениям более простым (редукционизм);

уверенность в том, что научное знание является единственным видом достоверного и объективного знания и на его основе возможно решение принципиально всех человеческих проблем (сциентизм);

цель познания – «руководство к действию» по изменению окружающей действительности в нужном для человека направлении, управлению реальными процессами, а также по изменению природы самого человека в направлении её усовершенствования;

наконец, принцип самодостаточности человеческого разума (спор между рассудочной и трансцендирующей ментальностями, смысл которого в утверждении двух типов знания: истинного и мнимого).

Почему именно эти установки стали основой новой формирующейся ментальности – потому что омассовление образования привело соответственно к омассовлению науки, а человек массы никогда не искал Истины, но только теплое место под Солнцем! Еще один штрих к портрету – всех этих людей объединяет скрытая или явная ненависть к гениям или просто талантливым и креативным коллегам, путь в науке которым они всегда усложняли.

Более подробно мы рассмотрим эти установки в следующем параграфе,

здесь же мне бы хотелось отметить, что все они, и еще менее значимые, присутствуют в научной ментальности и в наше время, несмотря на конструктивную критику как со стороны философ, так и самих ученых.

України, зав. кафедри маркетингового менеджменту Донецького державного університету економіки і торгівлі ім. Михайла Туган-Барановського Л.В. Балабанової. Донецьк: ДонДУЕТ. 2001, – 180 с.

194. Tageson W. Humanistic psychology: a synthesis / W. Tageson. Homewood (Ill.): The Dorsey Press. 1982, - 202 p.

195. Thompson A.A. Jr., Strikland A.J. Strategic Management. Homewood Ill.: Irwin inc., 1990, http://www.hrmedia.ru/sites/default/files/alevtina_borisova.pdf (дата обращения: 29.03.2019).

196. Wehrich H. The Tows matrix – A tool for situational analysis. Long Range Planning. 1982. April. vol.15, Issue 2, - 54-66 pp.

Глава 9.

1. Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т.1.-М.Мысль, 1975. -552с.

2. Аристотель. Соч.: В 4-х т. Т.2.-М.: Мысль,1978.-668с.

3. Аристотель. Соч.: В 4-х т. Т.3.-М.: Мысль,1981.-616с.

4. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время: «Фюсис» и «натура».- М.: Наука,1988.-208с.

5. Бэкон Ф. Соч.: В 2-х т. Т. 1. М :Мысль, 1977.-570с.

6. Бэкон Ф. Соч.: В 2-х т. Т. 2. М.:Мысль, 1978.-593.

7. Гайденко В. Поворот к феминистской эпистемологии. Постнеклассика-Феминизм-Наука.-Суммы,2003.

8. Григорий Палама. Триады в защиту священнобезмолвствующих.- М.:Канон,1996.С.81-82.

9. Гроф С. За пределами мозга.-М.:ИТП,2000.-504с.

10. Дидро. Энциклопедия // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера.- М.:Наука.1994.

11. Кондильяк Э. Соч.: В 3-х т. Т. 1. М., 1980.-334с.

12. Кондильяк Э. Соч.: В 3-х т. Т. 3. М., 1980.-388с.

13. Кремо М., Томпсон Р. Неизвестная история человечества.-М.: «Философская книга»,2001.-528с.

14. Лейбниц Г. Соч.: В 4-х т. Т. 3. М., 1984.-734.

15. Лосев А.Ф. История античной эстетики. (Ранняя классика) -М.: Высшая школа, 1963. - 583 с.

16. Любищев А.А. Линия Демокрита и Платона в истории культуры.- СПб.:Алетейя,2000.-256с.

17. Малахов А. Римский клуб, юбилейный доклад. Вердикт: «Старый Мир обречён. Новый Мир неизбежен!». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.planet-kob.ru>

18. Молодцова Е.Н. Пограничные территории науки.// Границы науки.-М.: ИФ РАН,2000.С.148-192.

19. Ницше В. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1.-833с.

20. Ньютон И. Математические начала натуральной философии.- М.: Наука, 1989.- 711с.

21. Остапенко А.А., Хагуров Т.А. Человек исчезающий. Исторические предпосылки и суть антропологического кризиса современного образования. -

Краснодар, 2012.

22. Платон. Сочинения: в 3-х т. - М.: Мысль, 1971. - 687 с. С.19.

23. Поппер К. Что такое диалектика// Вопросы философии.-1995. №1. С.118-138.

24. Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М.: «Наука», 1994.- 721с.

25. Фишер К. История новой философии. Декарт. СПб.,1994.-560с.

26. Шичалин Ю. Философия и теология в IV веке по Р.Х. (К вопросу о границах науки у поздних платоников и отцов церкви)// Границы науки.- М.:РАН ИФ . Ответ.ред. Л.А.Маркова,2000. С.121-140.